

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Х

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

Н. П. КИПАРИСОВА

ИГРУШКИ-ВОДОЛЕИ ИЗ ПАЙКЕНДА

В одном из своих отчетов об археологических работах в Пайкенде Л. А. Зимин¹ сообщает о находке любопытных глиняных фигурок животных: «Из мелких предметов, найденных в течение второго дня раскопок, заслуживает внимания глиняная с темнозеленой поливой фигурка, изображающая голову какого-то животного с ушами или рогами, сходящимися над головой и с чем-то вроде ошейника вокруг шеи». И дальше: «...на С и СЗ от большой комнаты. была найдена фигурка из светложелтой глины, изображающая какое-то животное с небольшими ушами, выпуклыми глазами, покрытое шерстью, с длинным хвостом, закинутым на спину и образующим нечто вроде ручки». Эти фигурки показаны на одной из фотографий, приложенных к отчету. Составить представление о вещах на основании этой фотографии очень трудно, так как изображение слишком мелко. Размеры не указаны, о них можно судить только по сравнению фигурок с другими вещами на снимке; фигурка «из светложелтой глины» должна быть около 10 см длины. Эти фигурки, как и вся коллекция Л. А. Зимина, находятся, очевидно, в фондах Ташкентского музея искусств и, к сожалению, в настоящее время недоступны для осмотра.

За исключением этого краткого упоминания, до сих пор в литературе таких находок не отмечалось.

Вторично подобные фигурки были найдены опять в Пайкенде, при археологических работах 1939 и 1940 гг.² Из них несколько почти целых и довольно значительное количество фрагментов. Некоторые были подобраны на поверхности городища, некоторые в керамическом завале, образовавшемся, по мнению А. Ю. Якубовского,³ не раньше XV в. н. э. на месте разрушенных построек, и несколько образцов — при расчистке завала керамических изделий у разрушенной гончарной печи IX—X в. н. э. Фигурки внутри полые и почти все поставлены на три ножки.

Сделаны они из обычной керамической глины, довольно хорошего качества. Лепились фигурки в формах, тоже сделанных из глины и обожженных. Фрагменты форм также найдены в Пайкенде. Формы изготовлялись отдельно для правой и левой половины корпуса и головы животного, не включая выступающих частей фигуры. Края фор-

¹ Л. Зимин. Отчет о весенних раскопках в развалинах старого Пайкенда. Прот. заседаний Турк. кружка любит. археол., год 19-й, Ташкент, 1915, стр. 72 и 77.

² В 1939 г. в Пайкенде работала Зарафшанская экспедиция ИИМК и Эрмитажа под рук. проф. А. Ю. Якубовского. См. отчет нач. эксп. в «Трудах Отдела Востока» Гос. Эрмитажа, т. II, 1940 г. — экспедиция Эрмитажа под рук. В. Н. Кесаева.

³ А. Ю. Якубовский. Краткий полевой отчет о работах Зарафшанской археологической экспедиции Эрмитажа и ИИМК в 1939 г. Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II, 1940.

мы, там, где должны были соединяться две половинки, тщательно заглаживались. Внутри формы наносился орнамент, обычно оттиснутый штампом, а также прорезались некоторые детали, как, например, контуры седла на фигурках лошадей. В форму глину вминали пальцами, отпечатки которых хорошо видны с обратной стороны изделий. Таким способом изготавливались две половинки корпуса, на которых орнамент отпечатывался в виде выпуклого рельефа. Изготовив обе половинки, мастер соединял их и затем приступал к изготовлению выступающих частей, наклепывая их на фигурку так, что они иногда даже закрывали часть орнамента. Наклеплялись глаза, уши, рога, ноги, ручка, хвост; иногда делался налеп вдоль всей морды спереди, закрывающий шов. Для глаз брались два кусочка глины в виде маленьких уплощенных шариков, иногда украшенных по краю нарезками; шарики прикладывались к месту, где должны помещаться глаза, и прокалывались по середине острой палочкой, часто настолько глубоко, что получались сквозные отверстия. Налепы вдоль морды делались или в виде гладкой полоски или тоже украшались поперечными насечками и примазывались пальцем с обоих концов — у морды и на лбу. Ноги, хвост, уши, рога тщательно примазывались к корпусу. Ручек ни на одной фигуре полностью не сохранилось, но части их, или следы от прилепленных концов ручки, есть на всех фигурках. Л. А. Зимин говорит, что ручку образует хвост, закинутый на спину. На самом же деле хвост делался отдельно, в виде небольшого конусообразного налепа, около него на спине закреплялся один конец ручки, второй прикреплялся к шее. Имея перед глазами много образцов, можно и на фотографии Л. А. Зимина различить на фигурке короткий хвост и ручки. По сохранившимся остаткам ручек и по фотографии Л. А. Зимина можно судить об их форме. Приблизительная их реконструкция дается на рис. 2 и 3.

После соединения обеих половинок корпуса, внутри фигурки получалась полость, иногда занимающая внутренность всего корпуса и головы, иногда прерванная в наиболее узком месте фигурки, у шеи. На месте рта у некоторых фигурок сквозное отверстие, у некоторых же рот даже не намечен.

После присоединения всех частей, фигурки подвергались обжигу, а затем покрывались гладкой темнозеленой поливой и обжигались вторично. По определению В. Н. Кононова,¹ полива эта свинцовая, подкрашенная железом. Она чрезвычайно характерна для пайкендской керамики; употребление ее в других районах Средней Азии пока не отмечено. Полива наносилась на поверхность без ангоба, покрывая изделия толстым слоем, иногда достигающим до 1 мм.

Такой толстый слой поливы несколько сглаживает орнамент на фигурках и он теряет четкость рельефа. Фигурок с другого цвета поливой не обнаружено. Некоторые из фигурок поливой не покрыты, но, судя по характеру внешней отделки, эти фигурки не закончены обработкой. На них недостаточно заглажены места соединений, не подправлены некоторые неровности в орнаменте, получившиеся может быть в результате загрязнения формы. Мастер, очевидно, не заботился о тщательной отделке поверхности, надеясь, что все дефекты должны были скрыться под толстым слоем поливы. Иногда на неполивных фигурках некоторые наклепные части держатся недостаточно прочно, в особенности часто отклеиваются налесты, изображающие глаза. Мастер имел возможность укрепить их более прочно, но он рассчитывал, что полива закрепит соединение.

¹ Химическая лаборатория Гос. Эрмитажа.

По размерам фигурки очень невелики, чаще всего от 8 до 12 см. в длину. В одном только случае по фрагментам формы можно предположить, что длина тулова животного достигала 20—25 см.

Фигурки изображают или лошадей (рис. 1), или рогатых животных, напоминающих корову (рис. 2), или животных неопределенного вида с короткими ушами, а может быть рогами (рис. 3).

Трактовались все они очень упрощенно. Кого бы фигурка ни изображала, корпус изготовлялся почти одинаково. Основными признаками, по которым можно опознать животное, являются: для лошади — седло с подпругой, для коровы — рога.

Рис. 1. Фрагмент фигурки лошади, покрыт темнозеленой поливой. Нат. вел.

Фигурки лошадей заметно отличаются по отделке поверхности от остальных. На всех фигурках есть ошейник, изображенный обычно в виде ряда кружочков между параллельными прямыми полосками. На фигурках с рогами или короткими ушами есть, кроме того, орнамент из ряда кружочков, положенный наискось через тулово, иногда между прямыми полосками, или в виде групп кружочков, или розеток. Два последние вида орнамента расположены обычно на лопатках или на крупе. В будущем, очевидно, представится возможным отделить и

орнаментацию рогатых животных от орнаментации на фигурках с короткими ушами.

Фигурок лошадей найдено очень немного. Наибольшее представление о них дают два фрагмента формы, на одном сохранилась голова и часть тулова, на втором — средняя часть тулова с седлом (рис. 4).

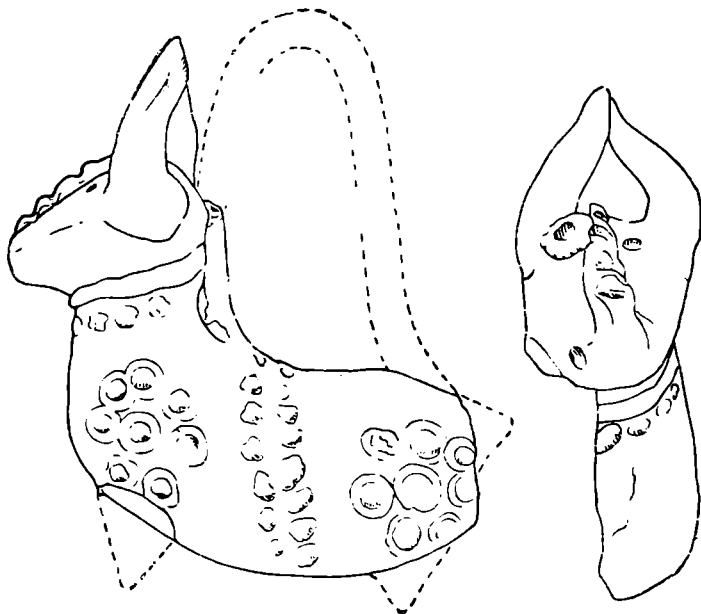

Рис. 2. Фигурка, покрытая темнозеленой поливой. Нат. вел.

По характеру орнаментации и по размерам оба фрагмента могут принадлежать одной форме, хотя и от ее разных сторон. Это одна из самых крупных фигурок. Седло с квадратным чепраком украшено рядами мелких кружочков; по краю обведено каймой. Подпруга изображена в виде розеток между парными прямыми линиями; так же изображен и ошейник. Корпус, исключая грудь, заполнен сплошным

узором из крупных кругов-розеток. Мастер сделал украшения близкими к реальности — изображена лошадь «в яблоках», в ошейнике, с богатым седлом, с чепраком, украшенным нашивками или расшитым, и с широкой подпругой, тоже украшенной нашивками. Крупные размеры фигурки дали возможность мастеру более тщательно сделать украшения, но и остальные фигурки лошадей делались более реалистично, чем фигурки других животных. На рис. 1 изображена фигурка лошади, на которой седло с круглым чепраком и обе луки седла обозначены не только контурами по верху, но и валиками с боку. Туловище также «в яблоках».

Эти небольшие глиняные фигурки животных, полые внутри, снабженные сверху ручками, часто имеющие отверстие на месте рта, по своей внешней форме очень напоминают известные бронзовые водолеи. Они также имеют и другие признаки водолеев, но признаки, ставшие чисто формальными. Полость их слишком мала, чтобы можно было туда наливать жидкость, а иногда она еще бывает и залеплена в более узких частях фигурки. Сливное отверстие во рту делается не на всех фигурках. Но если даже допустить, что оно

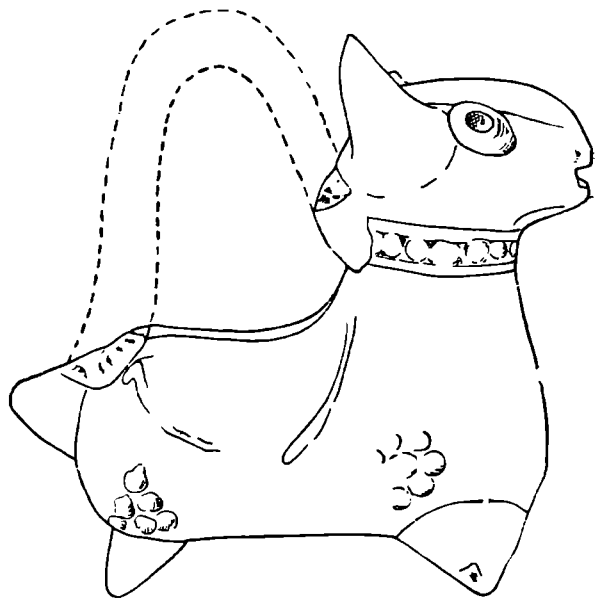

Рис. 3. Неполивная фигурка из желтой глины.

отсутствует на экземплярах, не вполне законченных отделкой, то, все равно, нельзя налить жидкость в сосуд, снабженный только одним

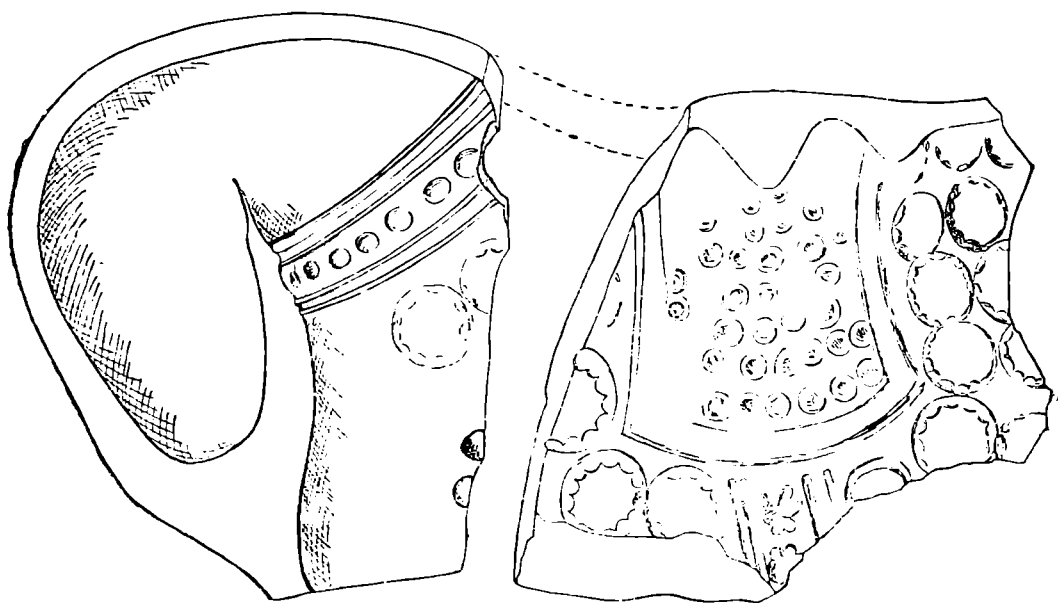

Рис. 4. Два фрагмента глиняной формы.

очень узким отверстием. Необходимо наличие второго отверстия для выхода вытесняемого воздуха, а такого ни на одной фигурке нет.

Что эти фигурки делались по образцу водолеев — не подлежит сомнению. Есть и еще одна характерная черта, свидетельствующая о

том, что изготавливавший их мастер относился к своим изделиям как к сосудам. В Пайкенде очень распространен тип посуды на трех ножках. На трех ножках делались кувшины с высоким узким горлом, тарелочки, украшенные штампованным орнаментом и покрытые темно-зеленой поливой, плоские чашки с прямыми бортами и другие виды посуды. Ножки у них делались в виде небольших конусов, обращенных острием вниз. Прикреплялись они к уже готовому сосуду тем же способом, как и детали фигурок, т. е. примазывались пальцем еще к необожженному, но уже слегка подсохшему в процессе изготовления сосуду, и на неполивных сосудах так же часто отклеивались. Один из таких сосудов, покрытый темнозеленой поливой, изображен на рис. 5. Почти все полые фигурки животных из Пайкенда сделаны с такими же коническими ножками. Как на сосудах, их всегда три — две ножки спереди, по бокам тулова, и одна сзади, прикрепляемая на месте соединения двух половинок тулова. На одном только фрагменте фигурки лошади (рис. 1) ноги сделаны достаточно длинными — про-

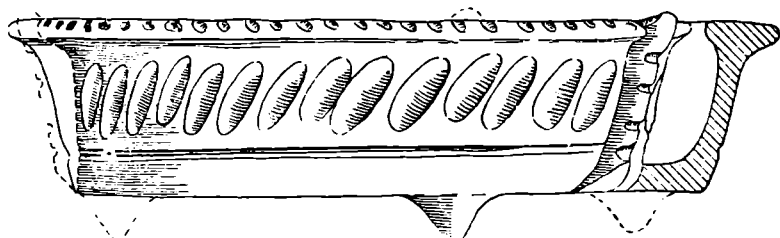

Рис. 5. Сосуд, покрытый темнозеленой поливой.

порционально тулову. К сожалению, у этой фигурки не сохранилось задней половины и нельзя сказать — были ли обе задних ноги или тоже одна. В 1940 г. экспедицией Гос. Эрмитажа среди подъемного материала найдено несколько фигурок животных, вылепленных из сплошного куска глины. На этих фигурках имеются все четыре ноги, части тела пропорциональны. Трапезка тулова их совершенно иная, чем у полых фигурок, — телу придана определенная форма, намечены основные линии мускулатуры. Эти два типа фигурок имели различные функции — в одном случае воспроизводилось животное, в другом случае делался сосуд в виде животного. Относясь к последнему виду изделий как к сосуду, мастер и ставил его на обычные для сосуда ножки-подставки, и делал их три, как у сосуда, а не четыре, как у животного.

В Средней Азии, с очень раннего времени, делались терракотовые фигурки животных, имеющие культовое значение. Работами Г. В. Григорьева установлено их бытование в Тали-Барзу под Самаркандом, начиная с ахеменидского периода до арабского времени, наряду с фигурками, изображающими человека. Фигурки животных, главным образом, имели вспомогательное значение — на них помещались фигурки человека (или бога). Подобные фигурки находили и в других местах Согда, особенно на Афрасиабе. Все они, очевидно, из рода тех «идолов», о которых неоднократно говорилось в археологической литературе, в связи со свидетельством Мухаммеда Наршахи о продаже, в его время, таких «идолов» в Бухаре на базаре Мох.¹

Делая такого «идола», мастер лепил фигурку животного или человека, долженствующую изобразить тот или иной культовый символ. Для нас важно, что мастер (безразлично пока, для какой точно цели)

¹ Мухаммед Наршахи. История Бухары. Перевод с персидского Н. Лыкова. Ташкент, 1897.

стремился изобразить животное или человека. Такие изображения делались всегда массивными, лепились из сплошного куска глины. Никогда не делались они полыми и делать это было незачем. В этом образе «идола» не следует искать аналогий для полых пайкендских фигурок, так как последние в основном изображали сосуд-водолей.

Известные средневековые восточные водолеи в виде различных животных сделаны из металла.

Глиняная посуда Средней Азии, в том числе и Пайкенда, часто повторяет металлическую — и по форме и по орнаментации. Металлическая, и даже бронзовая, посуда была более дорогой и не всем доступной, поэтому делали посуду, похожую на металлическую. Зачастую наблюдается почти полное совпадение формы и орнаментации в металлической и в глиняной посуде.

Так и наши маленькие сосуды-водолеи, помимо сходства по форме с бронзовыми водолеями, имеют и другие черты сходства с металлическими изделиями. На сасанидских серебряных блюдах есть изображения всадников, лошади которых заседланы седлами с квадратным или круглым чепраком, украшенным сплошным узором из мелких кружочков, иногда сгруппированных. Разделка седла наших фигурок, изображающих лошадей, сделана так же. Розетки из группы кружочков на крупе и бедрах наших фигурок очень напоминают фалары на лошадях с серебряных блюд. Ошейники из ряда кружков между двумя параллельными линиями тоже воспроизводят довольно точно ошейники на лошадях с серебряных блюд.

Все эти черты сходства можно наблюдать на многих серебряных изделиях (укажу, напр., табл. XXXI и XXXII в атласе «Восточное серебро» Я. И. Смирнова¹ или табл. 214 и 218 в «Survey of Persian art»²).

Самые детали орнаментации — вписанные один в другой кружочки, ребристые шишечки, розетки — очень близки к элементам орнаментации описываемых серебряных сосудов.

Остается решить вопрос о назначении этих своеобразных фигурок, так похожих на водолеи.

Больше всего оснований предполагать, что это были игрушки.

Иногда в игрушки превращаются вышедшие из употребления предметы, напр. культовые. Так, по словам Г. В. Григорьева, массивные глиняные фигурки животных из числа «идолов» и сейчас еще служат игрушками у детей в некоторых районах Узбекистана. Но чаще игрушки повторяют бытующие предметы домашнего обихода. В собраниях Гос. Эрмитажа и Самар кандского областного музея есть много игрушечных тарелочек, кувшинчиков и т. д., сделанных по образцу настоящих тарелок и кувшинов. В Пайкенде, наряду с обычными чирагами (светильниками), есть такие же игрушечные, очень миниатюрные.

Одним из добавочных доводов, чтобы считать эти фигурки игрушками, является и пунктуальное сохранение в них внешних признаков той вещи, которой они подражали. При изготовлении игрушек и сейчас стремятся возможно полнее сохранить прежде всего внешний вид вещи, которую должна изображать игрушка.

Наши игрушечные водолеи могут быть датированы, по условиям нахождения, примерно IX—X вв. н. э. Имеющиеся пока в разных собраниях бронзовые водолеи восточного происхождения датируются различно, но в общем от VI до XI—XII вв. Очень возможно, что игрушечные водолеи подражали бронзовым водолеям, бывшим в то

¹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения. СПб., 1909.

² A. U. Pope. A survey of Persian art, IV. Лондон — Нью-Йорк, 1939

время в употреблении и в Пайкенде. У города купцов, каким был Пайкенд с его широкими торговыми связями, было много возможностей заимствования. Не меньше было у него и своих образцов, которым местные мастера-керамисты могли подражать, изготавливая игрушечную посуду, так как город во время арабского завоевания был известен богатством золотой и серебряной посуды. Пока в Пайкенде металлической посуды не обнаружено, но при дальнейших археологических работах этого можно ждать и тогда, быть может, представится возможность установить, каким образцам подражали наши игрушки-водолей. Глиняные водолей и в то время в Пайкенде очевидно употреблялись. На рис. 6 изображен водолей, по своим размерам и емкости уже могущий служить практическим целям. Это бракованный экземпляр,

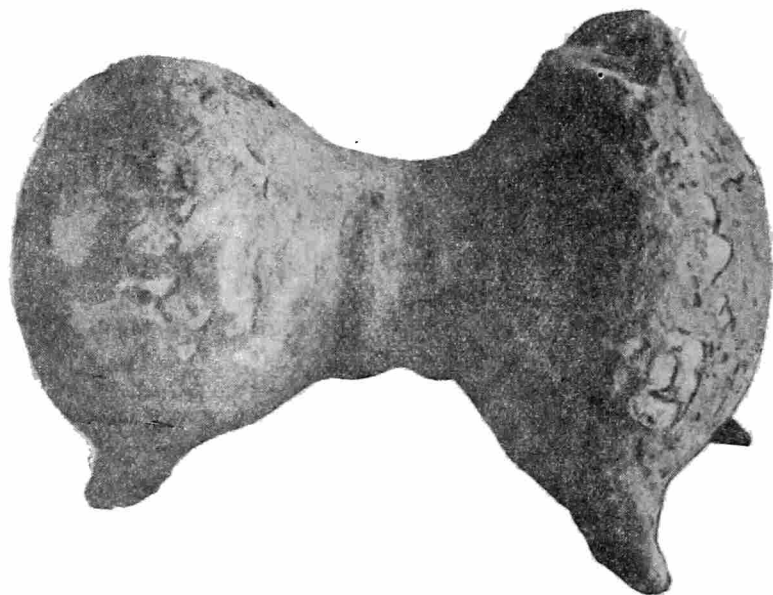

Рис. 6. Водолей в виде схематизированной фигурки животного

найденный в отбросах гончарной печи (раск. № 3—1939 г.). Он тоже изображает фигуру животного, которая передана уже совсем схематично, почти в геометрических формах. Как и игрушечные водолей, он был поставлен на три конусообразные ножки-подставки, а сверху был снабжен ручкой, следы от которой заметны на спине и на шее; к сожалению, у него не сохранилась голова; эти недостатки сосуда — отсутствие значительной его части и плохая сохранность — не дают возможности точно определить его назначение.

Итак, на основании всего изложенного представляется возможным установить, что в богатом керамическом производстве Пайкенда IX—X вв. значительное место отводилось изготовлению игрушек, в том числе игрушечных водолеев; кроме того, вероятно, что в это время в Пайкенде изготавливались глиняные водолей и для практических целей, в подражание водолеям металлическим.

В дальнейшем, когда в нашем распоряжении будет большее количество игрушечных водолеев, может быть удастся более конкретно установить черты их сходства с известными уже бронзовыми водолеями и сделать попытку еще и в этом направлении, чтобы подойти к вопросу о датировке бронзовых водолеев.

С. В. КОРШЕНКО

РИМСКИЙ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛЬОН ИМПЕРАТОРА ЛИЦИНИЯ СТАРШЕГО ИЗ СОБРАНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ УССР

Среди довольно значительного количества золотых медальонов, чеканенных в Римской империи в первой половине IV в., золотые медальоны императора Лициния Старшего, по количеству известных видов, занимают одно из последних мест.

Ф. Гнеччи, издавшему в 1912 г. монографию о римских медальонах,¹ был известен лишь один вид золотых медальонов императора Лициния Старшего.

В нумизматическом собрании Центрального исторического музея УССР находится золотой медальон императора Лициния Старшего

Рис. 1. Римский золотой медальон Лициния Старшего.

(рис. 1), представляющий новый тип, оставшийся неизвестным Ф. Гнеччи при издании его монографии, хотя медальон был найден более чем за полтора столетия до появления труда Ф. Гнеччи и имел свою длительную историю.²

Находка этого медальона имела место в 1757 г. на поле «Тыроцинского дома», входившего в состав краковских владений Ордена иезуитов. Найденный медальон был передан ректору «дома» и хранился им вместе с священными изображениями в каплице «дома» до уничтожения Ордена, когда вместе с другими принадлежавшими

¹ Francesco Gneschi. I medaglioni romani. Милан, 1912.

² Обстоятельства находки медальона и его дальнейшую судьбу привожу по данным рукописного каталога Волынского Лицея — Catalogus Numorum Veterum Lycei Volhyn., т. II, Numi imperatorum occid. et orient., стр. 592 и рукописного каталога Виленского университета: Catalogus Numorum Antiquorum ad Supremum Imperatoris Augustissimi Iussu e Lyceo volhyniensi Cesareae Litterarum Universitati vilnensi nuper illatorum. Pars IV, Numos imperatorum Romanorum a Geta inde usque ad huius Numophilacii finem complectens, стр. 377—378.

Ордену ценностями был передан в Варшаву и поступил в королевское гумизматическое собрание.¹

Впоследствии это собрание перешло к Волинскому лицезу в Кременце, а после его закрытия в течение непродолжительного времени находилось в ведении Виленского университета. С созданием в 1834 г. университета в Киве, находившаяся в Вильно коллекция Кременецкого лицеза была передана Киевскому университету; вместе с некоторыми другими меньшими собраниями она легла в основу организованного при университете Мюнц-кабинета. После Октябрьской революции при реорганизации высшей школы университетская коллекция вошла в состав собрания Центрального исторического музея УССР.

На лицевой стороне этого медальона изображена голова императора вправо; круговая легенда: IMPCVAL LICINLICINIVS. AVG; по краю — бусовой ободок. Rv: обращенные друг к другу фигуры двух императоров, совершающих жертвоприношение над пылающим жертвенником в виде треножника, находящимся между ними. CONCORDIA AVGG ET CAESS.; в обресе — S. M. N. По кругу — зубчатый ободок. Диаметр медальона 33.5 мм, вес 18.51 грамма. Инв. № 1745.

Сохранность медальона в общем удовлетворительная. Детали на наиболее выпуклых местах медальона сгладились; однако в отдельных случаях, как, например, волосы бороды в углублении между челюстью и шеей, — заметны. На оборотной стороне — глубокая царапина.

Изображение головы, находящейся на лицевой стороне медальона, может быть с уверенностью признано за портретное изображение императора Лициния. Его известные иконографические данные вполне соответствуют характерным особенностям лица, изображенного на медальоне. Портрет нашего медальона, представляющий императора с орлиным носом и красивыми глазами, в особенности интересен тем, что он подтверждает слова византийского автора Малалы о внешнем облике Лициния Старшего.²

Тип оборотной стороны медальона имеет аналогии среди медальонов предшествовавших императоров. Так, например, подобное изображение встречается на будапештском золотом медальоне Максимиана Геркулеса, найденном в Szar contea в 1905 г.³ На оборотной стороне этого медальона изображены два императора в жреческом одеянии, совершающих жертвоприношение у треножника. Медальон чеканен в Тициуме (SMT); легенда его тождественна с легендой нашего медальона. Размер его 34 мм, вес 21.55 гр. Иначе, чем на нашем медальоне, изображен находящийся между фигурами императоров треножник.

Более отдаленное сходство представляет берлинский медальон Констанция Хлора 305—306 г.⁴ Однако на нем нет сцены жертвоприношения. Фигуры императоров Констанция Хлора и Севера II изображены в тогах со скипетрами. Север представлен подающим шар Констанцию Хлору. Между фигурами — венок, в котором читается XX. Легенда та же. В обресе: SIS (Сисция); диаметр 33 мм, вес 20.775 гр.

¹ Nummus repertus in agro pagi... ad domum Tyrocinil Soc. Jesu Cracoviensis Spectantis anno 1757. Rector cui hic nummus redditus fuit, ut integrum posteritati servaret, imagini Dei parae in sacello eiusdem domus privato affixit. Sublata Societate inter alia cimelia advectus Varsaviam ad Nummophilacium Regium transiit (cat. Volhyn.). В Виленском каталоге эти факты изложены следующим образом: Numus iste repertus quondam in agro quodam domus Tyrocinii Soc. Jesu Cracoviensis anno 1757. Rector cui ille redditus fuit, ut integrum posteritati servaret imagini Dei parae in Sacello eiusdem domus affixit. Sublata Societate inter alia cimelia advectus Varsaviam ad Nummophilacium Regium transiit. В обоих случаях сохраняю правописание оригинала.

² J. Maurice. Numismatique Constantinienne, I, Париж, 1908, стр. 110.

³ F. Gnecchi, ук. соч., I, табл. V, 3.

⁴ Там же, табл. V, 6.

Близость типа реверса киевского медальона императора Лициния и приведенных медальонов Максимиана Геркулеса и Констанция Хлора естественно, казалось бы, позволяла предполагать раннюю чеканку киевского медальона, тем более, что подобные типы реверса ни на медальонах, ни на монетах Константина и его сыновей, насколько мне известно, не встречаются.

Однако к такому раннему датированию медальона встречаются серьезные препятствия. Монетный двор в Никомедии, где был чеканен наш медальон, достался Лицинию лишь в мае 313 г.¹ после победы над Максимианом Дазой и низвержения его. Самый портрет, находящийся на лицевой стороне и являющийся портретным изображением Лициния, также не позволяет предположить дату более раннюю, чем 313, а может быть даже и 314 год.

Со времени возведения Лициния в сан августа и до смерти Галерия Максимиана, последовавшей в 311 г., монетный двор в Сисции был единственным монетным двором, принадлежавшим Лицинию. Однако, как установил Ж. Морис, весь чекан Лициния, вышедший с монетного двора в Сисции, не только до смерти Галерия, но и позже, вплоть до потери Сисции Лицинием в 314 г., носил на себе изображение не Лициния, а Галерия Максимиана.

Если это наблюдение Ж. Мориса правильно, то можно предполагать, что такое же положение было и на никомедийском монетном дворе, и чекан с изображением Лициния начался не ранее 314 г.

Таким образом, наш медальон мы не можем отнести ко времени ранее второй трети царствования Лициния.

Попытка более точно определить дату чеканки медальона была бы связана с известной долей условности. Если считать медальон имеющим меморативный характер, то в изображении и легенде его оборотной стороны можно усматривать связь с какими-то историческими событиями, имевшими место в Римской империи в период между 314 — 324 гг.

Причины, которые могли повлечь за собой чеканку медальонов, говорящих о согласии обоих августов и цезарей (CONCORDIA AVGG ET. CAESS.), скорее всего можно было бы видеть в событиях 1 января 315 г. и 1 марта 317 г.²

По окончании неудачной для Лициния войны 314 г. оба августа, Константин и Лициний, 1 января 315 г.³ были совместно, в четвертый раз, возведены в консульское звание и, таким образом, было достигнуто и вновь восстановлено их согласие. «Оно было скреплено еще более прочно, когда 1 марта 317 года Константин наряду со своими обоими сыновьями Криспом и Константином назначил цезарем также и незаконного сына Лициния».⁴

Акт 1 марта 317 г. вносил мало нового в существовавшее положение. Он знаменовал победу династического принципа и отказ от системы Диоклетиана. Сыновья императоров были назначены цезарями не в качестве соправителей, а лишь как наследники престола в будущем.

¹ J. Maurice, ук. соч., III, стр. 25, Paris, 1912.

² Миланскую встречу Константина и Лициния, каковая могла бы вызвать чеканку медальона с типом CONCORDIA, брать в расчет не приходится, поскольку она происходила в феврале 313 г., т. е. до перехода Никомедии под власть Лициния (J. Maurice, ук. соч., I, стр. 109).

³ По J. Maurice'у; или несколько ранее — «еще до окончания 314 г.», как в Real-Encyclopädie Pauly-Wissowa, XIII, 225, 1926.

⁴ Real-Encyclopädie, там же.

С актом 1 марта 317 г. могут быть связываемы солиды Лициния Старшего и Криспа с легендой CONCORDIA AVGG NN.¹ Альфёльди отнес чеканку их к 317 г. Тип оборотной стороны их совершенно иной. Вместо фигур, совершающих жертвоприношение императоров, на них изображена сидящая на троне CONCORDIA. Заслуживает внимания также отсутствие упоминания титула цезарей в легенде оборотной стороны. Оно может быть объяснено изменением содержания, вкладывавшегося отныне в титул цезаря.

Наоборот, упоминание цезарей в легенде на реверсе нашего медальона не только не может служить препятствием к отнесению медальона к 315 г., но является одним из соображений в пользу такой датировки.

Известно, что Лициний, сын Лициния, носил звание цезаря и до 317 г.. Он возведен был в это звание своим отцом еще во время войны 314 г., по случаю чего были выпущены медальоны с изображениями отца и сына.²

Что он не был лишен этого звания и после достижения соглашения между обоими противниками, а продолжал носить его, показывает факт празднования квинквенналий в 320, а не в 322 г., как должно было бы быть, если бы звание цезаря было им получено лишь в 317 г.

Наш медальон, как нам кажется, должен быть поставлен в связь с восстановлением согласия между августами после войны 314 г., согласия, устанавливавшего определенный статус в империи, прекращавшего борьбу двух претендентов на единодержавие и бывшего по своему значению событием более важным, чем акт 1 марта 317 г.

¹ A. Alföldi. The helmet of Constantine with the Christian Monogram in *Journal of Roman Studies*, XXII, стр. 1 (1932) табл. IV, №№ 5, 6; ср. также солиды Константина I (там же, стр. 19, № 2).

² J. Maurice, *указ. соч.*, I, стр. 109.